

ЛЕКСИЧЕСКИЕ БЕЛОРУСИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ РЕЧЕВОЙ ЭКСПРЕССИИ В АВТОРСКОМ ТЕКСТЕ

(на материале русскоязычной художественной прозы Беларуси)

Лексические белорусизмы в авторской речи могут употребляться в качестве эффективного средства создания речевой экспрессии. С этой целью писатели обычно используют выразительные возможности белорусской стилистически окрашенной лексики, например, такой, как бел. разг. *нячысіцік, нагойсаца, ляснуць, завядзёнка, нішчымніца, хеўра, прычатурыца, жлукціць, балбатаць, гарапашны*; обл. *выспятак, калдыбаць* и др. Эта лексика, как правило, имеет в русском языке собственные стилистически маркированные эквиваленты. Ее предпочтение русским соответствиям, на наш взгляд, объясняется тем, что на фоне русскоязычного контекста такие слова выгодно сохраняют свой национальный колорит и эмоционально-экспрессивный заряд, являются сильным средством речевой экспрессии: *Но это уже была не жизнь, не работа, а заведенка* (Козько. Повесть о беспризорной любви).

В качестве средства речевой экспрессии в авторском тексте может использоваться также белорусская стилистически нейтральная или маркированная лексика, которая имеет добавочные семантические оттенки в сравнении с существующими в русском языке синонимическими соответствиями. Так, у белорусского слова *бацькаўшчына* в сравнении с его русским соответствием *родина* есть еще одно значение – ‘родны куток, месца, дзе нарадзіўся і вырас хто-н.’ В следующем примере данная лексема выступает средством не только более точной номинации понятия, но и выполняет экспрессивно-эмоциональную функцию, служит для выражения чувств и настроения автора: *Освея – моя бацьковшчына* (Геродник. Поплачем и посмеемся).

Наиболее ярко специфический оттенок значения белорусского слова обнаруживается в том случае, когда в тексте раскрывается авторское вос-

приятие семантического содержания слова, его субъективное отношение к данному содержанию. С этой целью могут использоваться такие стилистически нагруженные и выразительные приемы, как сопоставление или противопоставление в тексте синонимов обоих языков, в результате чего так или иначе акцентируются их дифференциальные признаки: *Между враньем и правдой есть что-то еще. Нет, не выдумка, а то, что по-белорусски – “хлусня”. В хлусне нет взрывного “вранья” и шипящей “лжи”. О хлусне можно с восхищением сказать: “Хлусишь!” ... Решалась моя судьба, и мне было не до хлусни, я уже нагло врала* (Коваленко. А война была рядом).

В следующих контекстах выразительную экспрессивно-эмоциональную окраску приобретают белорусские слова, употребленные в переносных метафорических значениях: *Так и надо, если хочешь дожидаться следующего дня, если хочешь, чтобы он был не на костылях, сбросил и сжег иссеченную шинель, загоил струпчатую землю, накормил ее* (Козько. Повесть о беспризорной любви). Иногда автор может развертывать целую художественную картину, которая конструируется при помощи лексических белорусизмов. В таком случае белорусские слова, расширяя свои изобразительно-выразительные возможности, становятся основой для метафорических построений: *Он любил открывать “Словарь белорусского наречия” наугад и выбирать слова. “Обмерлый... обыклый...” Обыклый – обычный. Это слово нравилось ему особенно, он даже будто взвешивал его на слух, проговаривая и про себя, и вслух, и как он ни произносил его, оно все равно казалось ему легким, красивым, воздушным – будто нота с листа, чарующим звуком вылетающая из-под рук пианиста* (Астопонок. Возвращение).

Особо в плане создания речевой экспрессии следует выделить авторские контексты, в которых с наибольшей полнотой и отчетливостью реализуется “лирическое Я” писателя. Эстетическая нагрузка лексических белорусизмов здесь особенно велика. Употребленные в лирических контекстах, они раскрывают любовь писателя к родной природе, к родной земле, к ее людям и их языку: *Деревни на Брянщине или в западной части Орловской области почти не разнятся от белорусских, да и речь людей, живущих в этих местах, еще не полностью освободилась от мягкого, певучего “гэ”, заполняющего всю полость рта, сочного “чэ”, частых сочетаний букв “р” и “о”, от которых большинству белорусов не избавиться всю жизнь. И когда я слышу “арол” вместо “орел” или “бруки” вместо “брюки”, я не спрашиваю, где родился этот человек* (Павленок. И нет дороги назад); *Говор вокруг стоял густой, слышались вкусные, как домашний хлеб на кленовых листьях, слова не тронутой городом дальней белорусской деревни, слова, от которых я отвыкаю уже, которые потерялись в мутном потоке городского воляпюка, и я слушал эту речь, эти слова, эти густые “чаго” и звонкие “дзе” с наслаждением, и самому мне хотелось заговорить с кем-нибудь, сказать:*

“Добры дзень, дзядзька, адкуль вы будзеце? Можна, з Хожска?” (Тарас. Прощальные костры).

Эстетически направленное употребление лексических белорусизмов может сочетаться с разнообразными приемами введения их в текст: подачей шрифтом вразрядку, использованием кавычек, различного рода ссылок, а также белорусско-русских параллелей. Подобные приемы повышают эффективность реализации в авторской речи семантико-стилистического потенциала белорусского слова.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова